

Глава 1

Мальчик стоял у подножия лестницы, вцепившись руками в старый, выдавший виды брезентовый мешок, вмещавший все его пожитки. В том числе вырезанную из сланца подвеску с нацарапанным на ней его именем — «Альманах», подарок друзей по сиротскому приюту на удачу. Вот только не хватало потерять её в честь прибытия в новый дом.

Альманаху было лет двенадцать, а может, тринадцать. Копна каштановых волос, карие глаза, кожа не смуглая и не слишком светлая, а того промежуточного оттенка, который обычно называют болотным, причём таким пренебрежительным тоном, что под конец мальчик и сам стал задумываться: а может, это и правда плохо. В своей жизни он не знал ничего, кроме приюта и немногих тамошних друзей, пока два дня назад не получил приглашение,

предлагавшее ему достойное место в обществе — в зажиточном имении, до которого от приюта было не более дня ходу. Должность помощника младшего лакея в поместье с забавным названием «Руина посла Осмей» звучала для мальчика, напрочь лишённого каких бы то ни было перспектив, почти как престол короля Ивернии. Разумеется, он согласился, хотя и не без душевного трепета. Любой мальчишка в приюте мечтал жить в большом мире. В возрасте Альманаха нечего было и мечтать, что его заберут в семью, но сейчас ему выпал шанс найти другое место в жизни.

Сады поместья, изобилующие грецкими орехами и живыми изгородями, такие великолепные по сравнению с привычными ему серыми каменными двориками... и увитый тёмно-зелёным плющом дом с остроконечными крышами и многочисленными башенками... Всё это впечатляло. Даже с избытком!

Страх — верный признак, что тебе представляется потрясающая возможность. Во всяком случае, так любила говорить своим подопечным управительница приюта. Чаще всего возможность заключалась в том, чтобы вести себя лучше и избежать розог.

И всё же Альманах никак не мог решиться.

Лестница вела к деревянной веранде, в глубине которой виднелась дверь цвета небесной лазури, с медной ручкой и молоточком в виде подмигивающего льва. Никто не вышел

встречать Альманаха, хотя его латаные-перелатаные башмаки громко стучали по длинной усыпанной гравием аллее. Собственно говоря, с того момента, как мальчик вошёл в величественные ворота у входа в имение, он не видел ещё ни единой живой души.

Альманах два раза медленно вдохнул и выдохнул, чтобы успокоиться. А потом, не давая себе времени передумать, поднялся по лестнице и решительно потянулся к ручке, прикреплённой к подмигивающей львиной голове.

Но не успел коснуться её, как смазанная дверь приоткрылась сама собой со слабым-слабым, почти неслышным скрипом. В образовавшийся просвет Альманах увидел вестибюль — столь же роскошный, сколь и безлюдный. Одним долгим благоговейным взором он успел разглядеть хрустальную люстру, резную дубовую подставку для зонтов, элегантную вешалку для шляп и пальто, телефон на столике с нефритовой поверхностью и — над маленьким мраморным камином с аккуратно сложенной растопкой — портрет в золочёной раме: девочка с пронзительными зелёными глазами. А крашеный потолок нависал так высоко над головой, что при взгляде на него у мальчика перехватило дыхание.

Топчась на пороге, Альманах робко окликнул дворецкого, от имени которого было написано приглашение:

— Мистер Паркер?

Вопрос прокатился по череде пышных комнат и просторных залов — и эхом вернулся обратно, так и оставшись без ответа.

Озадаченный столь неласковым приёмом, Альманах вытянул шею и заглянул в дверной проём. Может, про него просто забыли?

— Мистер Паркер, это я... Альманах, новый помощник младшего лакея... Эгей?

Хорошие манеры вдалбливали в него с детства, наряду с азбукой и здравым смыслом. Переступить порог без приглашения отчаянно не хотелось. Но что ещё оставалось? Так и торчать на крыльце — выкажешь отсутствие инициативности. Уйти из поместья — немыслимо.

Шаг в дом — и пол вдруг ушёл у него из-под ног. Сердце в груди подскочило, горло перехватило от боли и неожиданности. Общее ощущение было совсем как в кошмарах, когда, вытирая вазочку для пудинга, вдруг роняешь её или поскользывается на каменных ступеньках приюта...

А потом вдруг это чувство исчезло так же внезапно, как и накатило. Альманах обнаружил, что стоит на коленках посреди вестибюля, заплечный мешок валяется рядом на затейливо разрисованных плитках, а щёки горят от смущения. Наверное, решил он, запнулся о порог. В ушах бешено грохотал пульс. Хвала небесам, вокруг никого не было, так что и свидетелей его неуклюжести не нашлось. Чего доброго, мистер Паркер сразу отослал бы такого нескладёху обратно в приют, а вот этого совсем

не хотелось! Неловко поднявшись на ноги, он отряхнул штаны.

И только тогда заметил у двери полочку, на которой лежала стопка аккуратно сложенной одежды и записка с его именем. Он принялся читать — сперва опасливо, но потом уже спокойнее. Послание было написано на плотном желтоватом листке крупным размашистым почерком, в котором мальчик мгновенно узнал руку человека, изменившего его судьбу к лучшему.

«Юный Альманах,

добро пожаловать! Вот твоя форма. Надевай поскорее, новая горничная придёт с минуты на минуту, и твоя первая обязанность — показать ей дом. Я пока занят в другом месте.

Твой

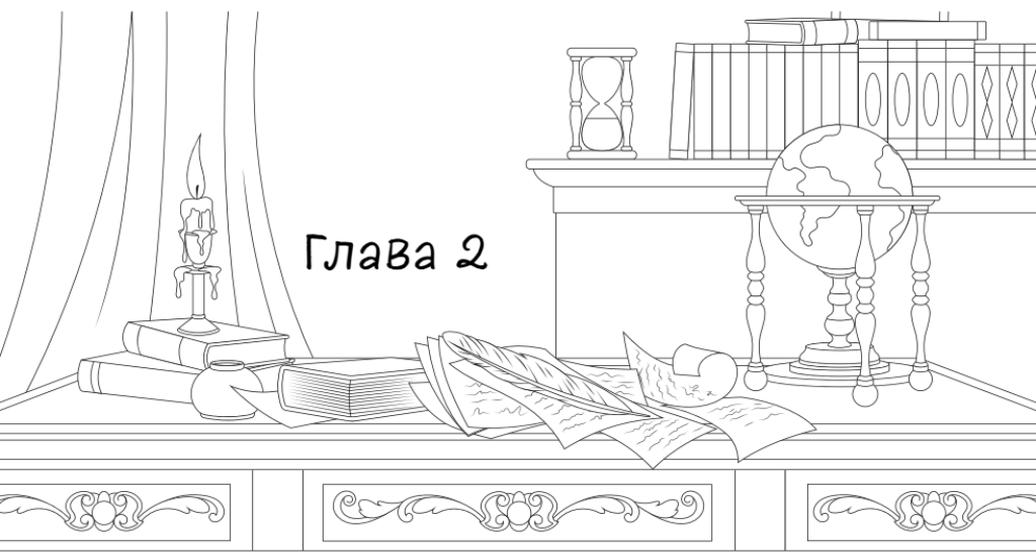
мистер Паркер, дворецкий».

Альманах перечитал записку ещё раз, чтобы убедиться, что всё правильно понял, а потом ещё раз для верности. Мистер Паркер хочет, чтобы он встретил новую служанку и показал ей дом, хотя он сам только-только приехал?

Звучало очень странно, но в записке со всей очевидностью говорилось именно об этом. Может, все остальные обитатели поместья отправились на какую-нибудь вылазку? Может, у них пикник? И кто он такой, чтобы слушаться прямых указаний?

Подхватив форму и свой мешок и выкинув из головы пережитое им диковинное ощущение, Альманах устремился на поиски уголка, где сможет переодеться и сменить старую жизнь на новую.

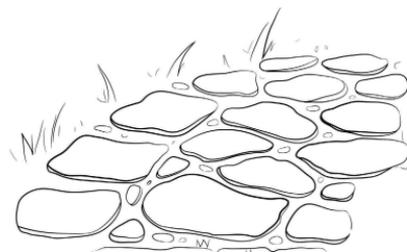

Глава 2

Форма оказалась великовата, но постаравшись как следует — закатав рукава, подёрнув, где надо, и потуже затянув пояс, — Альманах справился с этой проблемой. Он рос в обносках старших сирот из приюта и привык к одежде не по размеру. Его лучший друг Джош вечно жаловался, что у него то штаны спадают, то рукава коротковаты, но в целом одежды хватало. Альманах, получивший своё имя от первого учителя письма за выдающуюся память и любовь к знаниям, не помнил, чтобы хоть кому-то из них приходилось мёрзнуть, жариться или ходить в неприличном виде.

И хотя сейчас тело у него чесалось от ненюшенной шерсти и хлопка, щедро украшенный пуговицами камзол давил на плечи, а кожаные подошвы немилосердно скрипели, мальчик чувствовал себя почти богачом.

Выйдя из чулана, где он переоделся и оставил заплечный мешок и старую одежду, он снова окликнул мистера Паркера. На этот раз ответа он не ждал — и не получил. Он был в доме один, и задача у него была одна: осмотреть дом до появления новой горничной, чтобы потом показать всё ей. Он остро осознал возложенную на него ответственность, как и то, что, скорее всего, подобных мгновений тишины и покоя у него не повторится ещё очень и очень долго.

Комнаты первого этажа были просторны и полны сокровищ. Альманах боялся сунуть туда нос, опасаясь сломать что-нибудь или испачкать. Отыскав в глубине дома лестницу для прислуги, он с облегчением спустился на нижний этаж. Там обнаружили кладовку, прачечная, тесная судомойня и холодный чулан, а также кухня — такие же безлюдные, как и комнаты наверху. В кухне явно кто-то хозяйничал совсем недавно: хотя всё там и блистало чистотой, но кастрюли и сковородки валялись где попало. Мальчик неодобрительно поцокал языком. Суровая кухарка приюта внушила своим подопечным столь твёрдые представления о порядке, что он машинально принялся прибираться, раскладывая посуду по местам и находя, куда приткнуть всё то, что хранилось непонятно где.

Убравшись примерно наполовину, он умудрился зацепить и выдернуть нитку из своего тёмно-синего камзола кончиком острого ножа

для резки мяса и разом вспомнил, что вообще это совсем не его работа, а от полученных распоряжений он как раз уклоняется. Надо немедленно снова отправляться на разведку, пока не появилась горничная.

Альманах, как мог, втянул оборванную нитку в ткань — не залатать, так хоть спрятать.

Какой-то слабый шорох заставил его поднять голову. Из камина в немытый сотейник скатилась тонкая струйка пепла. Шорох резко прекратился. Наверное, крысы. Приятская повариха тоже беспрестанно на них жаловалась.

Пронзительный вопль резко выбил из головы мальчика какие бы то ни было мысли о зацепке на камзоле.

Наверху кто-то был. И, судя по крику, этому кому-то грозила смертельная опасность!

Перепрыгивая через две ступеньки за раз, Альманах взлетел по лестнице в вестибюль, где и нашёл её — тощую и нескладную белокожую девчонку в зелёном платье. Длинные чёрные хвостики её разметались, в глазах горел свирепый огонь.

Альманах с разбега затормозил перед ней, уже открывая рот, чтобы спросить, в чём дело, как вдруг осёкся: девица выставила прямо перед собой острую шпильку.

— Это ты? — спросила она, тыча ему в лицо шпилькой так угрожающе, точно это был по меньшей мере меч.

— Ч-ч-что — я?

Альманах испуганно отшатнулся. Он не привык иметь дела с девчонками, да ещё неизвестными, да ещё нервными.

— Ты на меня напал?

— Н-напал?

— Говори полными предложениями!

— Я пытаюсь... э-э-э... — Он снова увернулся от плясавшей у него перед лицом смертоносной шпильки. Надменный тон девочки мгновенно поставил его на место. — Я Альманах, младший лакей, ну то есть помощник младшего лакея. А вы госпожа... юная госпожа?

— Зачем ты напал на меня, если даже не знаешь, кто я?

— Я бы никогда... то есть это не я... то есть, пожалуйста, опустите эту штуку, а? А то я её боюсь!

Девица чуть смягчилась и оглянулась вокруг, выискивая нового врага.

— Ну, если на меня напал не ты, тогда кто?

— Не знаю. Вы ранены?

Девочка посмотрела вниз, на себя, словно впервые сама задалась тем же вопросом.

— Я... кажется, нет. Но это ничего не меняет. На меня кто-то напал, да ещё и с помощью магии, клянусь любимой перьевой ручкой Софии Фронезис! Уж я-то узнаю магию где угодно!

— Магии? — Альманах уставился на неё, вытаращив глаза. Он знал, что в мире существует магия и что люди поудачливее его обладают способностями к ней и учатся её применять, но никогда с ней не сталкивался, если

не считать дешёвого заклинания, чтобы крыша не протекала, которое каждую зиму выводили на крыше приюта. Сироты со способностями к магии надолго в приюте не задерживались.

Однако даже он слышал о Софии Фронезис, самой знаменитой и таинственной волшебнице в мире, придворной магической советнице и опаснейшей противнице врагов трона.

— О да! Тётя Од — наша деревенская ведунья. В прошлом году она взяла в ученицы мою седьмую сестру. Теперь каждый раз, как Катти приходит домой, я от неё чувствую запах чернил.

Она замолчала и потом поправилась:

— Чувствовала. Чувствовала запах. Когда она приходила домой.

По манерам девочки и её причастности к магии Альманах принял было её за юную госпожу особняка. Но теперь передумал. Судя по виду, она была так же растерянна, как и он.

— Ты кто?

— Этта Джейкобс. Новая горничная.

